

Телеологія неоламаркистовъ.

IV. Психобиологія.

Исходнымъ пунктомъ „психобиологін“ неоламаркистовъ является положеніе, что біологическія явленія отнюдь не укладываются въ рамки одного каузально-механическаго объясненія, и необходимо требуютъ допущенія нѣкотораго цѣлѣдѣтельнаго фактора; этимъ факторомъ не можетъ быть *vis vitalis* старыхъ виталистовъ, или ея видоизмѣненія у современныхъ неовиталистовъ, по большей части—фантастичныя измышленія, мало согласующіяся съ требованіями научной достовѣрности. Жизненная сила—это просто рубрика, куда вносится все непонятное намъ въ явленіяхъ жизни: она ничего не объясняетъ по существу и оказывается обычно лишь *asylum ignorantiae*. Поэтому весьма заслуживаетъ вниманія попытка неоламаркистовъ, не вводя новыхъ, недоступныхъ прямому изслѣдованію факторовъ, въ качествѣ жизненнаго принципа выдвинуть *психическій элементъ*, понимаемый въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и этимъ самымъ перекинуть мостъ между областью органики и психики. Напомнимъ, что этотъ психическій факторъ, по замыслу неоламаркистовъ, *психофизической* природы и обладаетъ также и нѣкоторой физической энергіей.

Введеніе психическаго фактора для объясненія органической цѣлесообразности (хотя бы отчасти), несомнѣнно, вполнѣ умѣстно и даже необходимо, хотя и связано съ большими теоретическими трудностями. Не говоря уже о человѣкѣ, мы не можемъ исключить изъ разсмотрѣнія и психику высшихъ животныхъ, подобную, въ общемъ, человѣческой въ основныхъ элементахъ; чѣмъ ниже мы будемъ спускаться въ

смыслъ уровня организаціи, тѣмъ, правда, менѣе можетъ быть замѣтно проявленіе психическаго фактора; однако, мы не имѣемъ причинъ и совершенно отрицать его, тѣмъ болѣе, что такое отрицаніе повело бы къ почти неразрѣшимымъ трудностямъ при неизбѣжной постановкѣ вопроса о той ступени, гдѣ впервые появляется психическая жизнь.

При такой постановкѣ дѣла возникаетъ, правда, большое неудобство—мы принуждены идти, вопреки основному научному принципу, отъ болѣе сложнаго къ менѣе сложному, отъ человѣческой развитой психики къ недифференцированной психикѣ низшихъ существъ. Обычный научный методъ заключается, наоборотъ, въ стремленіи сложное объяснять возможно болѣе простымъ и несложнымъ. Поэтому неоламаркисты, надѣляя отдѣльныя элементарныя части организма сложными психическими способностями, подобными человѣческой способности познанія и воли, впадаютъ. по мнѣнію *Семона*, въ неизбѣжный *антропоморфизмъ* ¹⁾. Этотъ упрекъ, несомнѣнно, въ значительной степени заслуженъ, но, спрашивается, какъ же поступить иначе? Нельзя отбросить вовсе психическій факторъ органической эволюціи, и въ то же время *мы не можемъ* исходить изъ чего-либо другого, кромѣ нашей сложной психики. Конечно, если бы можно было взять за исходный пунктъ „психологию“ клѣтки, какъ аналогъ физиологіи клѣтки, то это затрудненіе устранилось бы сразу; однако, это совершенно невозможно, и о „психологии“ клѣтки мы можемъ говорить только *гипотетически*: никакого объективнаго критерія для существованія ея и изученія мы не имѣемъ. „Всюду психическое бытіе можетъ быть нами констатировано лишь тамъ, гдѣ отдѣльныя психическіе акты начинаютъ входить въ составъ обширнаго комплекса, дѣлающаго возможными жизненныя проявленія, до нѣкоторой степени сходныя съ актами нашего собственнаго сознанія. А пока не достигнута эта ступень, психическое бытіе, хотя оно и необходимый постулатъ для постижимости фактическихъ психическихъ эволюцій, само по себѣ не можетъ быть констатировано; слѣдовательно, всѣ жизненные процессы, совершающіеся ниже этой ступени, доступны лишь физиолого-химическому изслѣдованію“ ²⁾.

¹⁾ *Semon. Die Meme. 2 Aufl., 1908 г., стр. 381, примѣч.*

²⁾ *Вундтъ. Система философіи, 1902 г., стр. 324.*

Единственный вѣрный путь, гарантирующий если не полную достовѣрность, то, во всякомъ случаѣ, наименьшую опасность впасть въ грубый антропоморфизмъ, это опредѣлить въ нашей человѣческой психикѣ тѣ элементарныя способности и свойства, которыя могутъ считаться *первичными*, наиболѣе общими, *простыми*, не поддающимися дальнѣйшему разложенію; ихъ съ наибольшимъ основаніемъ мы можемъ счесть за необходимые элементы психики вообще, а не именно человѣческой, а потому и допустить ихъ наличность и на низшихъ ступеняхъ развитія психики, по сравненію съ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, психическій факторъ не долженъ быть игнорируемъ, и физико-химическій методъ изслѣдованія **жизненныхъ** явленій долженъ быть дополненъ „психологическимъ“, если его можно такъ называть. *Эйслеръ*, весьма близкій къ неоламаркистамъ, настаиваетъ на сознаніи *биопсихологии* наряду (а отнюдь не какъ замѣщеніе) съ биомеханикой и биохиміей ¹⁾, и это стремленіе можно лишь поддержать, но въ то же время и помнить о наличности большихъ затрудненій.

Неоламаркисты, желая прослѣдить дѣятельность психического фактора, исходятъ изъ анализа цѣлесообразныхъ человѣческихъ дѣйствій; это также даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ; многіе критики думаютъ, что низшіе организмы и растенія дѣйствуютъ, какъ люди, и ужасаются такому чудовищному антропоморфизму. Дѣйствительно, эта склонность часто сказывается у неоламаркистовъ, но все же анализъ сознательнаго телеологическаго акта необходимъ для разбора вопроса о сущности телеологическаго акта вообще, и если за что и можно упрекать ихъ, то скорѣе всего за рискованность и фантастичность схемъ, гдѣ фигурируютъ разные гипотетическіе токи, напряженія и т. под., безъ чего, кажется, не можетъ обойтись теоретизирующая нѣмецкая мысль; *Вейсманъ* съ біофорами, идами, детерминантами, *Рейнке* съ доминантами, *Гэккель*—съ монерами и „родословными“, *Шнейдеръ* съ „четырьмя измѣреніями сознанія“, *Паули* съ его токами, возбуждающими обратные токи,—все это явленія одного порядка и, намъ кажется, одинаково ничтожной цѣнности.

Начальной фазой проявленія психическаго фактора неола-

1) *Eisler*. Kritische Einführung in der Philosophie. 230 стр.

марксисты считают *ощущеніе потребности*, возникающее на почвѣ раздраженій. Раздраженіе, измѣняя чувство состоянія субъекта, влечетъ за собой ощущеніе потребности, представляющее собою внутреннюю, психическую сторону нарушенія жизненнаго равновѣсія. Кромѣ этого элементарнаго *ощущенія*, элементарная психика на низшихъ ступеняхъ своего развитія характеризуется еще наличностью способности *представленія* и *воли*, такъ что она представляетъ изъ себя неразрывное единство ощущенія, представленія и воли. Однако, изъ этого первичнаго комплекса неоламарксисты тотчасъ же начинаютъ выдѣлять интеллектуальный элементъ — *способность сужденія*, возводимую ими въ степень міровой, космической силы; они ее замѣчаютъ въ клѣткахъ, плазмѣ и даже не прочь нѣчто подобное узрѣть и въ кристаллахъ. На низшихъ ступеняхъ развитія „принципъ сужденія“ фигурируетъ лишь въ качествѣ „способности различенія“, „непосредственной ассоціаціи двухъ опытовъ“, элементарныхъ избирательныхъ актовъ и т. под. Сознаніе вполне можетъ тутъ отсутствовать; неоламарксисты часто опираются на „безсознательное“.

Соглашаясь, въ общемъ, съ требованіемъ неоламарксистовъ включить „психическій“ факторъ въ число факторовъ эволюціи, и даже поставить его на весьма видное мѣсто, мы не можемъ, однако, признать удачнымъ ихъ выборъ этого фактора, его свойствъ и способностей: ихъ „принципъ сужденія“ *не можетъ быть настоящимъ факторомъ эволюціи*. Прежде всего, необходимо указать на неудачность самаго термина; выраженіе „принципъ сужденія“ звучитъ всегда слишкомъ антропоморфно, указывая на сознательное сочетаніе представленій, свойственное человѣческой психикѣ; если насъ будутъ увѣрять, что различныя реакціи на теплое и холодное, проявляемыя низшими организмами и простыми клѣтками, и сознательное человѣческое сужденіе о различіи ощущеній тепла и холода—въ сущности одно и то же, то мы невольно усумнимся въ правильности такого утвержденія. Сужденіе всегда связано для насъ съ представленіями, съ сознательной дѣятельностью разсудка; если все это выкинуть (какія же представленія и сознаніе у инфузорій или одноклѣточныхъ водорослей?), то останется ли у насъ въ остаткѣ тотъ же „принципъ сужденія“? До-

пускать его тамъ, гдѣ нѣтъ ни нервной системы, ни развитыхъ органовъ чувствъ, не только рисковано, но и произвольно; мы можемъ только предполагать его наличность, но не утверждать съ достовѣрностью.

Нужно помнить, конечно, что тутъ рѣчь идетъ не о *сужденіи* въ общепринятомъ смыслѣ слова, а о нѣкоторомъ актѣ различенія, выбора, хотя бы и безсознательнаго. Однако, и этотъ элементарный актъ нельзя отождествлять съ „простой ассоціаціей“, какъ это дѣлаютъ неоламаркисты, или съ чѣмъ либо подобнымъ; если мы возьмемъ самыя широкія опредѣленія акта сужденія, а таковыя даются экспериментаторами вюрцбургской школы, то увидимъ, что между простой ассоціаціей и сужденіемъ есть качественная разница: „всѣ переживанія могутъ сдѣлаться сужденіями, если они, по *намѣренію* переживающаго субъекта, должны согласоваться съ нѣкоторыми другими предметами“... ¹⁾ Правда, какъ показываютъ эксперименты, это намѣреніе не должно быть обязательно сознательнымъ. *Уоттъ* психологическимъ критеріемъ сужденія въ своихъ экспериментахъ считаетъ *задачу*, (*Aufgabe*), вліяніе которой подымало ассоціативные процессы сознанія въ его экспериментахъ до уровня сужденій. Такимъ образомъ *намѣреніе*, нѣкоторое устремленіе (напр. подъ вліяніемъ задачи) изъ простыхъ ассоціативныхъ процессовъ дѣлаетъ сужденія; этого элемента въ „простой ассоціаціи“ *нѣтъ*.

Затѣмъ, по замыслу неоламаркистовъ, эта элементарная способность ассоціаціи и различенія, свойственная низшимъ организмамъ, должна быть достаточной для произведенія *всѣхъ* сложныхъ приспособленій, которыя мы наблюдаемъ у тѣхъ же низшихъ организмовъ; однако, это опять нѣчто немислимое. Всякій, хоть сколько нибудь знакомый съ организаціей и систематикой низшихъ животныхъ и растений, знаетъ, какое невѣроятное богатство изобрѣтательности, творческаго генія, фантазіи и вкуса проявляется въ несчетныхъ приспособленіяхъ этого низшаго царства: сотни ученыхъ, вооруженныхъ всей изощренностью человѣческой „способности сужденія“, десятки лѣтъ разбираютъ устройство

¹⁾ *Marbe.* Experimentell — psychologische Untersuchungen über das Urteil. 1901 г. стр. 52.

этихъ приспособленій, и едва ли кто-нибудь изъ нихъ повѣритъ, что эти образованія возникли какъ продуктъ лишь элементарной „способности различенія“, присущей этимъ организмамъ. Напр., приспособленія въ случаѣ оплодотворенія орхидей насѣкомыми, если ихъ понимать, какъ результатъ „акта мысли“ или „сужденія“ всего растенія или же его частей, превосходятъ, принимая во вниманіе отсутствіе органовъ чувствъ у этихъ растеній, даже наивысшія проявленія человѣческой геніальности. „На основаніи этой теоріи,—остроумно замѣчаетъ *Семонъ*,—мнѣ приходится приписать инфузоріи, растенію, клѣткамъ моихъ собственныхъ тканей несравненно большее благоразуміе и большую предусмотрительность, нежели не только себѣ, но и разумнѣйшимъ изъ моихъ собратій, людей (*Mit—menschen*)“.¹⁾ Это—глубоко вѣрное возраженіе противъ неоламаркистской теоріи всемогущества „принципа сужденія“; если пытаться все объяснять лишь какъ продуктъ „мыслительной“ дѣятельности самихъ организмовъ, то имъ придется приписать такую высоту психическихъ способностей, которой позавидовалъ бы любой человѣческій геній; клѣтки тѣла человѣка оказались бы „умнѣе“ его самого.

Нельзя не указать, что въ своемъ увлеченіи „принципомъ сужденія“ неоламаркисты впадаютъ въ утрировку, фантазируютъ и проявляютъ нѣкоторыя антипатичныя черты, близко роднящія ихъ съ великимъ фантазеромъ, легкомысленно рѣшающимъ „міровыя загадки“—*Эрнстомъ Гэжелемъ*. Неоламаркисты приписываютъ способность регуляціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „сужденія“ кристалламъ, мечтаютъ о введеніи біологической точки зрѣнія въ физику, думаютъ, что микрiя есть результатъ чувства страха за свое существованіе, испытываемое животными—тутъ легко узнать и „души атомовъ“, и вообще весь духъ увлекающагося апостола „монизма“; для полноты картины весьма кстати можно указать, что *Вагнеръ* считаетъ „фантастическими гипотетическими измышленіями“ наряду съ идами, детерминантами, біоформами и проч. также и *іоны и электроны* ²⁾. Спрашивается, что стала бы дѣлать современная теорія растворовъ безъ

¹⁾ *Semon. Die Mnepe*, стр. 381, прям.

²⁾ *Вагнеръ. Нов. курсъ...* стр. 13, 46.

іоновъ, теорія электричества—безъ электроновъ? Такому безцеремонному обращенію съ понятіями физики могъ бы посочувствовать лишь *Гэджель*, взмахомъ пера упразднившій второй законъ термодинамики ¹⁾.

Универсальность „принципа сужденія“ оказывается весьма сомнительной также въ виду наличности, во первыхъ, индифферентныхъ образованій, о чемъ мы говорили ранѣе, во-вторыхъ—многихъ приспособленій, носящихъ чисто эстетическій характеръ, и которыя трудно признать за приспособленія въ собственномъ смыслѣ слова; это та область, къ части которой *Дарвинъ* пытался примѣнить принципъ полового отбора. Здѣсь, въ сферѣ украшеній, причудливыхъ красокъ, звуковъ и движеній, трезвому и утилитарному принципу сужденія съ его разумностью нечего дѣлать; какъ односторонній ученый, филологъ, разбирающій *Иліаду* Гомера, можетъ сказать всѣ значенія словъ, ихъ корни и происхожденіе, объяснить сложныя нити синтаксической зависимости, можетъ привести данныя сравнительнаго языковѣденія, исторіи культуры и т. д., но въ то же время не можетъ произнести настоящаго сужденія объ *Иліадѣ*, понять ее, если у него, кромѣ „принципа сужденія“, нѣтъ еще и художественнаго вкуса,—такъ и въ природѣ, интеллектуальный „принципъ сужденія“ не объяснить намъ „эстетическихъ“ образованій и, тѣмъ болѣе, не можетъ произвести ихъ.

Кромѣ того, большое количество совершенно нецѣлесообразныхъ образованій прямо доказываетъ *слабость* „принципа сужденія“; если бы онъ былъ, дѣйствительно, всеобщъ и всемогущъ, то почему же онъ не проявилъ своей дѣятельности и въ этихъ случаяхъ? Очевидно, онъ и не всеобщъ, и не достаточно силенъ, чтобы обусловить всегда наступленіе цѣлесообразныхъ или хоть индифферентныхъ образованій. Сюда же нужно отнести и случаи координированныхъ приспособленій, т.-е. когда въ процессѣ приспособленія *необходимо* участвуютъ не одинъ, а два или болѣе типа организациі, измѣняющіеся совмѣстно въ нѣкоторомъ соот-

¹⁾ Въ XIII главѣ своихъ „Міровыхъ загадокъ“ *Гэджель* утверждаетъ, что міръ есть „regretium mobile“, а посему несостоятельно вытекающее изъ второго закона термодинамики положеніе *Клаузіуса*: „энтропія въ мірѣ стремится къ максимуму“.

вѣтственномъ направленіи, такъ что часто возникаетъ удивительное гармоническое сочетаніе этихъ приспособленій.

Неоламаркисты говорятъ, что имъ для объясненія органической цѣлесообразности нужны лишь цѣлесообразно дѣйствующие организмы, т.-е. они стремятся вывести ее изъ однихъ цѣлесообразныхъ *индивидуальныхъ* реакцій самихъ организмовъ, основанныхъ на ихъ „способности сужденія“.

Попробуемъ такимъ способомъ объяснить хотя бы приспособленіе ротовыхъ частей насѣкомаго и соотвѣтственное приспособленіе частей цвѣтка: какой „разумъ“ производитъ и регулируетъ эту координацію приспособленій? Вѣдь нельзя же считать за этотъ разумъ индивидуальную психику самихъ животныхъ или же, что еще хуже, растений? Намъ пришлось бы приписать растенію не только способность построить изъ *мѣтокъ* своего тѣла удивительный аппаратъ, но, главное, при отсутствіи органовъ чувствъ, приписать ему знаніе устройства ротовыхъ частей насѣкомаго, приспособленіе къ которымъ должно было бы фигурировать въ качествѣ цѣли измѣненія, и притомъ цѣли сознательной и выполненъ ясной, такъ какъ нужно создать приспособленіе къ *опредѣленному типу* строенія ротовыхъ частей насѣкомаго. Конечно, всѣ подобныя разсужденія приводятъ къ абсурду; если бы мы замѣнили растенія и насѣкомыхъ людьми, то едва ли могли бы надѣяться получить въ результатъ ихъ изобрѣтательской дѣятельности то богатство и разнообразіе формъ приспособленій, которыя существуютъ между растеніями и насѣкомыми. Очевидно, что тутъ немислимо сваливать все на индивидуальную „способность сужденія“, а нужно признать и нѣкоторый *внѣ-индивидуальный* факторъ, безъ котораго объясненіе эволюціи окажется неудовлетворительнымъ.

Въ неоламаркистскомъ „принципѣ сужденія“ есть и еще темныя стороны; въ особенности это нужно сказать относительно энергетическаго и протяженнаго характера психическаго фактора. *Паули* особенно настаиваетъ на этомъ, такъ какъ не-энергетическій „принципъ сужденія“ не смогъ бы ничего измѣнить въ органическомъ мірѣ и оказался бы безсильнымъ плодомъ фантазіи, подобно не-энергетическимъ доминантамъ *Рейнке*. Однако, какъ совмѣстить понятіе разумности и физической силы? Всякая разумность предполагаетъ

выборъ, разсужденіе, а энергія — дѣйствованіе по опредѣленнымъ разъ навсегда законамъ. Можно сказать, что разумность пользуется физической энергіей, какъ своимъ орудіемъ, и подобныя выраженія проскальзываютъ у неоламаркистовъ, но *Паули* тотчасъ же разрушаетъ это толкованіе, настаивая на томъ, что сама психика есть физическая энергія, и даже точно указываетъ, что, именно, *электрическая энергія*. „Понять психическое, какъ физическое“, для него кажется весьма нетруднымъ; но для всякаго другого, философски мыслящаго человѣка, это представляетъ нѣкоторыя непреодолимые затрудненія. Какъ бы ни изощрялись сторонники „физическаго пониманія психическаго“, они всегда похожи на тѣхъ остроумныхъ людей, которые, по словомъ *Шеллинга*, надѣются проѣхать сухимъ путемъ въ Англію, хотя бы и задавъ большой крюкъ. Такъ и *Паули* съ своей „электрической психикой“ воскрешаетъ уже было забытыя времена *Бюхнера*, *Фогта* и *Молшютта*, когда охотно вѣрили, что мысль выдѣляется мозгомъ подобно тому, какъ моча выдѣляется почками. Теперь времена такого примитивнаго материализма прошли, сама матерія потеряла свой былой престижъ, и уже говорятъ не о матеріальности психики, но объ ея энергетической природѣ; однако, духъ этихъ утверждений остался все тотъ же.

Въ особенности характерны простодушныя построенія *Бютнера*, гдѣ субъектъ какъ-то вырастаетъ изъ объекта, сознание изъ „мнимой психики“ механическихъ процессовъ, и т. д. Для него, какъ и для *Паули*, нѣтъ принципиальной разницы между „я“ и „не-я“; „я“ есть продуктъ дифференцированія „не-я“, не болѣе. Но всѣ эти утвержденія блѣднѣютъ передъ непоколебимой увѣренностью *Паули* въ *протяженности* психическихъ актовъ. Впрочемъ, разъ душа есть электрическая энергія, то она не находится внѣ пространства, а всегда связана съ нѣкоторыми его точками; если считать психическіе процессы подобными электрическимъ, то, конечно, они такъ же протяженны. Этотъ геройскій выводъ, которому нельзя отказать въ большой послѣдовательности, нисколько не испугалъ *Паули* и лишній разъ далъ возможность ему подчеркнуть, что не физическая энергія является орудіемъ психики, а сама психика есть *протяженная физическая сущность*. *Паульсенъ* остроумно замѣтилъ, что истина раздѣляетъ то преимущественно

щество съ бессмыслицей, что ни та, ни другая не могутъ быть опровергнуты. Поневоля приходится прибѣгать къ этому утѣшенію и не стремиться опровергать выше приведенныя утвержденія философскими доводами, такъ какъ они здѣсь въ значительной степени бесполезны; нужно, чтобы *Паули* и его ученики (правда, далеко не всѣ) постигли непосредственнымъ внутреннимъ опытомъ, что нельзя такъ безнаказанно уничтожать границу между объективнымъ и субъективнымъ и изъ внѣшняго выводить внутреннее; вѣдь, читали же они *Какта* и знакомы съ данными критической теоріи познанія? Сами неоламаркисты говорятъ, что исходятъ изъ непосредственно даннаго—психики и психической причинности, но для *Паули*, по крайней мѣрѣ, это остается лишь благочестивымъ пожеланіемъ.

Бехтеревъ, котораго можно назвать русскимъ неоламаркистомъ, также склоненъ приписать энергетическую сущность психикѣ, но дѣлаетъ это въ гораздо болѣе тонкой и допустимой формѣ. Онъ полагаетъ, что нельзя думать, будто энергія—обязательно нѣчто матеріальное; она—основаніе и жизни, и психики. Въ ней, кромѣ чисто физическихъ свойствъ, „есть и нѣчто другое, находящееся въ потенціальномъ состояніи, которое при соотвѣствующихъ условіяхъ можетъ послужить началомъ психическаго“. Физическія свойства—это лишь внѣшняя сторона энергіи; внутренняя же есть нѣкоторый *X*, не физическій и не психическій, но дающій начало, между прочимъ, и психическому, содержащемуся въ немъ потенціально ¹⁾. Вообще, воззрѣнія *Паули* на природу психики вызвали нѣкоторое смущеніе въ рядахъ его учениковъ, и лишь немногіе послѣдовали до крайнихъ выводовъ за своимъ учителемъ; это признаетъ и *Вagnerъ* ²⁾.

Для *Паули*, собственно говоря, даже не существуетъ вопроса о взаимодействіи физическаго и психическаго, такъ какъ все для него въ мірѣ—физико-энергетическіе процессы; психическое не имѣетъ дѣйствительнаго и самостоятельнаго бытія, поэтому нечего говорить объ его взаимоотношеніи съ физическимъ. Однако, большинство неоламаркистовъ не раздѣляетъ здѣсь мнѣнія своего принціпала и, признавая само-

¹⁾ *Бехтеревъ*. Психика и жизнь, стр. 204—6.

²⁾ *Wagner*. Geschichte.. стр. 197—8

стоятельность психическихъ явленій, склоняется къ признанію, взаимодѣйствія между психическими и физическими явленіями, отвергая теорію параллелизма и признавая *influxus physicus* ¹⁾.

Нельзя не согласиться, конечно, что послѣдовательно проводимый параллелизмъ, на почвѣ ученія о тождествѣ, имѣетъ очень много слабыхъ и неудобныхъ пунктовъ; къ нему прибѣгаютъ часто лишь потому, несмотря на его слабыя стороны, что не видятъ никакого другого приемлемаго выхода. Но, съ другой стороны, и теорія взаимодѣйствія ведетъ насъ къ недопустимому признанію возможности воздѣйствія нематеріальныхъ психическихъ актовъ на механико-энергетическіе акты тѣла, и наоборотъ, съ чѣмъ никогда не согласится физика. Многіе остроумные умы пробовали всячески извращиваться и приписывать психикѣ способность вліять лишь на *направленіе* движенія, и т. д., но все это палліативы, не выдерживающіе критики.

Мы можемъ считать непререкаемымъ требованіе физики, чтобы всякій механико-энергетическій актъ имѣлъ своей ближайшей причинойъ актъ той же самой природы. Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что обычно *причина* тутъ понимается какъ *воздѣйствіе*, *influxus physicus*. Однако, таковое значеніе причины далеко не общеобязательно, оно касается лишь *механической* связи явленій, которая мыслится, по большей части, въ формѣ превращенія энергіи. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ допустить вторженія въ механическую причинную цѣпь психическихъ членовъ, что противорѣчило бы не только принципу сохраненія энергіи, но и всему строю научно-физическаго мышленія. Но, спрашивается, неужели же причинная связь должна непременно быть механической? Неужели причинность состоитъ въ непосредственномъ воздѣйствіи, *influxus physicus* одной вещи на другую? Въдѣ это только одинъ изъ видовъ причинности, быть можетъ, болѣе намъ понятный, наглядный, но отнюдь не единственный. какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ ранѣе.

¹⁾ Чтобы не загромождать статью матеріаломъ, укажемъ на VII главу и особенно на „Выводы“ изъ нея въ (стр. 335—356) книгѣ *Гартманна*: „Современная психологія“. пер. Котляра, 1902 г., въ которой собрано много вѣрныхъ возраженій по адресу теоріи параллелизма.

Возьмемъ какой-нибудь элементарный осуществленный волевой актъ; напр., войдя въ темную комнату, я повернулъ выключатель и зажегъ электрическую лампочку. Спрашивается, что является причиной моего мускульнаго движенія, повлекшаго за собой освѣщеніе комнаты? Волевой импульсъ, имѣющій сознательную цѣль—освѣтить комнату. Такъ хочется сказать непосредственно; но мы уже знаемъ, что самый терминъ „причина“ допускаетъ нѣсколько пониманій, и многіе думаютъ, что онъ долженъ означать непосредственную причину, воздѣйствіемъ которой вызывается имѣющееся на лицо слѣдствіе. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, сторонники параллелизма утверждаютъ, что тутъ вообще не можетъ быть причинной связи, такъ какъ нематеріальный волевой импульсъ не можетъ быть причиной матеріальнаго мускульнаго акта. Совершенно вѣрно, и становясь на ихъ точку зрѣнія, „причиной“ мускульнаго акта мы можемъ считать не волевой импульсъ, а энергетическій, возникшій въ мозгу въ цѣпи подобныхъ же энергетическихъ процессовъ: разрядъ энергіи можетъ вызвать лишь энергетическій же импульсъ. Значить, здѣсь образуется замкнутый механическій рядъ, куда не вторгаются въ качествѣ дѣйствующихъ членовъ психическіе процессы. Однако, совершенно нельзя утверждать, что именно этотъ механическій рядъ и есть настоящий и единственный *причинный*; мы уже ранѣе говорили, что причинная связь въ истинномъ и широкомъ смыслѣ этого слова заключается въ признаніи извѣстной законмѣрности въ цѣпи явленій, такъ что каждый послѣдующій членъ долженъ имѣть какой-нибудь свой предыдущій, съ которымъ онъ связанъ; самый же характеръ связи совершенно не предрѣшается и не опредѣляется этимъ требованіемъ: она можетъ быть механической, а можетъ вовсе и не быть таковой.

Такъ и въ вопросѣ о взаимоотношеніи психическаго и физическаго мы не должны неизбежно заключаться въ рамки точки зрѣнія *воздѣйствія*, т. е. механико-каузальной зависимости; съ этой точки зрѣнія мы можемъ выяснитъ лишь „технизмъ“ психофизическихъ актовъ, тотъ механизмъ, благодаря которому могутъ осуществляться волевые акты и т. под. Причинность, въ широкомъ смыслѣ, можетъ совершенно не считаться съ „воздѣйствіемъ“ и включать въ свою цѣль и физическіе, и психическіе члены; никакихъ доста-

точныхъ логическихъ и гносеологическихъ препятствій къ этому указать нельзя. Поэтому, можно говорить только о замкнутой механической связи, но не общей причинной, которая захватываетъ обѣ области, такъ что *возможны настоящія причинныя отношенія между физическимъ и психическимъ*, при условіи вполнѣ законномъ и даже необходимомъ—не понимать подъ причинной связью только взаимодействіе, подобно *influxus physicus*. Поэтому мы совершенно спокойно можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ, что есть причина мускульнаго акта: это—*волевой импульсъ*, осуществляемый благодаря наличности соотвѣтственныхъ нервныхъ напряженій въ мозгу. Правда, этимъ отвѣтомъ еще далеко не рѣшается вопросъ о *реальномъ* переходѣ физическихъ раздраженій въ ощущенія и т. под., но заниматься этимъ совершенно и не входитъ въ наши задачи.

Теперь мы опять вернемся къ „психическому фактору“ и посмотримъ, можетъ ли этимъ факторомъ быть выдвигаемый неоламаркистами „принципъ сужденія“. Мы уже видѣли ранѣе, что понятіе цѣли имѣетъ своимъ источникомъ сознательную индивидуальную психику и притомъ не столько интеллектуальную ея сторону, сколько *волевою*. Мы говоримъ о представленіи цѣли, о выборѣ средствъ и т. д., но всякое представленіе цѣли получаетъ свой смыслъ и право на существованіе только при наличности *устремленія* къ ней, динамическаго волевого момента; мы можемъ разсматривать цѣль какъ пред-существующій въ представленіи конечный пунктъ *волевого акта*. Въ этомъ смыслѣ цѣль есть волевая категория, и волевая дѣятельность есть принципъ, осуществляющій цѣли, „переводящій ихъ изъ потенціальнаго состоянія въ актуальное“, по словамъ *Эйслера* ¹⁾. Волевая дѣятельность — это своеобразная взаимная связь ощущеній, чувствъ, представленій, стремленій, изъ каковой связи возникаетъ въ качествѣ конечнаго эффекта опредѣленный результатъ, съ психологической необходимостью и закономѣрностью. При этомъ цѣль не является внѣшней причинной, трансцендентнымъ по отношенію къ волѣ принципомъ, а имманентнымъ моментомъ самого волевого акта, впервые устанавливающимъ волю, какъ таковую. Какая-нибудь цѣль, будь

¹⁾ *Eisler. Kritische Einführung in der Philosophie, стр. 190—1.*

то лишь глухое ощущеніе потребности измѣнить свое состояніе, или особое состояніе въ родѣ „чувства самосохраненія“ и т. п., первично свойственно всякому акту воли; эта цѣль можетъ то выдвигаться на первый планъ, благодаря росту сознательнаго объясненія цѣли, то можетъ претерпѣть регрессивное развитіе, механизированіе, низведеніе въ под-сознательную область, что часто наблюдается при повторномъ упражненіи ¹⁾. Многие, въ томъ числѣ особенно *Вундтъ*, думаютъ, что многіе органическіе процессы были вначалѣ настоящими волевыми актами, и лишь впослѣдствіи, благодаря постоянному упражненію и повторенію, утратили свой волевой характеръ и сошли на степень рефлексовъ; къ этой же категоріи явленій *Вундтъ* относитъ и инстинкты. „Раздѣленіе труда между различными органами и группами органовъ, являющееся результатомъ постепенной дифференцировки первоначально однороднаго и простаго психофизическаго организма, основывается здѣсь въ значительной степени на томъ, что воля освобождается отъ непосредственнаго управленія нѣкоторыми органами“, а также функциями, напр., пищеваренія, выдѣленія, кровообращенія и т. под. „Возникновеніе этой системы никоимъ образомъ не можетъ быть понято изъ случайнаго совмѣстнаго дѣйствія внѣшнихъ условій; оно становится понятнымъ, коль скоро мы допустимъ, что всѣ указанная автоматическія дѣйствія возникли изъ дѣйствительныхъ движеній, направляемыхъ ставящей цѣли волей. Такъ какъ всякое по привычкѣ производимое движеніе мало по малу вызывало прочныя измѣненія первыхъ проводниковъ и ихъ соединеній, то процессъ, первоначально направлявшійся ставящей цѣли волей, обратился въ чисто механическій“ ²⁾. Здѣсь *Вундтъ* прямо указываетъ на психическую природу актовъ упражненія, которымъ придаютъ такое большое значеніе неоламаркисты; онъ полагаетъ, что „всякое упражненіе состоитъ въ механизированіи первоначально сознательно совершавшихся волевыхъ

¹⁾ Это обстоятельство особенно выяснилось благодаря экспериментамъ вюрцбургской школы: „Aufgabe“ *Watt'a* и *Messer'a*, „Zielvorstellung“ и „детерминирующая тенденція“ *Ach'a* легко испытывали это же регрессивное превращеніе и становились автоматически дѣйствующими факторами.

²⁾ *Вундтъ*. Система философіи, стр. 202.

актовъ“¹⁾, причемъ, превращая психофизическіе процессы въ физическіе, механизированіе, правда, освобождаетъ сознаніе отъ управленія множествомъ подчиненныхъ жизненныхъ функцій, но въ то же время, при полной механизации, лишаетъ волю непосредственной власти надъ нѣкогда подчиненными ей органами и функціями. Въ примѣненіи къ человѣку можно указать на возможность, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, *вернуть* эту давно утраченную власть воли надъ освободившимися отъ вліянія ея импульсовъ функціями; именно, при крайней степени внушаемости извѣстно, что вызываемые (хотя и при посредствѣ чужой воли) въ субъектѣ волевые импульсы способны повести къ крупнымъ измѣненіямъ въ области пищеварительныхъ, нервныхъ, выдѣлительныхъ, половыхъ и др. функцій, дѣятельность каковыхъ въ большей своей части остается вполне рефлекторной; тутъ процессъ идетъ обратнымъ порядкомъ, происходитъ „демеханизация“, и автоматическіе рефлекторные акты вновь возвращаются въ категорію волевыхъ.

Все выше-сказанное приводитъ насъ къ нѣкоторому *волюнтаризму*. Общій принципъ объясненія объективной цѣлесообразности органической природы заключается, по мнѣнію *Вундта*, въ томъ, что „въ живыхъ существахъ освобождаются *волевые силы*, которыя оказываютъ рѣшающее вліяніе на ходъ явленій природы, и благодаря воздѣйствіямъ которыхъ прежде всего продолжаютъ измѣняться сами дѣйствующія существа“²⁾. „Если возьмемъ за исходный пунктъ простѣйшую, несомнѣнно имѣющую волевой характеръ форму дѣйствія—движеніе, совершенно опредѣленнымъ образомъ связанное съ однимъ какимъ-либо представленіемъ и сопровождаемое сознаніемъ собственной дѣятельности, тогда не подлежитъ сомнѣнію, что движенія въ мірѣ низшихъ животныхъ по своимъ объективнымъ признакамъ всецѣло принадлежать къ этому типу простыхъ волевыхъ актовъ. Тамъ и сямъ оказываются зачатки болѣе сложныхъ избирательныхъ актовъ“... „Такимъ образомъ, все Protozoon является существомъ, во всѣхъ своихъ частяхъ дѣйствующимъ по волевымъ импульсамъ“³⁾.

1) *Ibid.* стр. 346.

2) *Вундтъ*. Система философіи, стр. 200.

3) *Ibid.* стр. 201.

Идя далѣе, Вундтъ высказываетъ мысли, близкія къ неоларкизму: „Какъ фізіологическое единство тѣла мы не можемъ мыслить сосредоточеннымъ, объединеннымъ въ какой либо отдѣльной точкѣ, такъ и волевое единство есть результатъ психическаго совмѣстнаго дѣйствія функцій, идущаго какъ разъ параллельно физической связи органовъ. Итакъ, не будь эта единичная воля единаго тѣла заложена въ элементарной волѣ, которую надлежитъ предполагать въ элементарномъ организмѣ, она такъ же не могла бы образоваться, какъ не было бы понятно фізіологическое единство тѣла, не будь оно предназначено во всѣхъ своихъ функциональных направленіяхъ уже въ фізіологическихъ свойствахъ простой клѣточки“¹⁾. Какъ видимъ, это очень напоминаетъ „психологію клѣтки“, „психологію тѣла“ у неоларкистовъ.

Если мы теперь обозначимъ факторы дѣйствительности какъ волевая единства, то легко увидимъ, что каузально-механическая связь явленій легко совмѣстима съ телеологичностью основаній явленій. Всякая волевая дѣятельность причинна и въ то же время финальна, и механизмъ можетъ быть опредѣленъ, какъ явленіе нѣкоторой финальности. Механизмъ происходящаго, могущій быть понятымъ какъ установленный, фиксированный, ставшій автоматическимъ эффектъ дѣйствія нѣкотораго существа, оказывается съ универсальной точки зрѣнія метафизиковъ системой условій и средствъ осуществленія и объективациі телеологическихъ тенденцій, какъ „царство цѣлей“, самихъ себя устанавливающихъ и реализующихъ. Механизмъ происходящаго не есть что либо абсолютное, онъ нѣчто *внѣшнее*, смыслъ и цѣнность чего заключается въ телеологической, внутренней сторонѣ дѣйствительности. Природа, совокупность объективированныхъ и механизированныхъ волевыхъ актовъ, кажется, такимъ образомъ, „предтечей“ (*Vorläuferin*), по выраженію *Эйслера*, и одновременно базисомъ высшей, сознательно-телеологической дѣятельности, благодаря которой достигается реализациі въ прогрессивномъ развитіи система „идей“, разумныхъ, полныхъ смысла волевыхъ содержаній²⁾. Механи-

1) Вундтъ, *ibid.*, стр. 335.

2) *Eisler. Kritische Einführung...* стр. 195—6.

стическая точка зрѣнія имѣетъ право на существованіе, и на ней должна стоять наука, если она хочетъ дѣйствительно изучить „технизмъ“ природы, какъ все происходитъ: но пусть не обольщаются тѣ, кто думаетъ найти здѣсь полное рѣшеніе вопроса о жизни и органическихъ процессахъ: это отнесется уже къ другой области, и если хотѣть знать, почему то или другое явленіе протекаетъ такъ, а не иначе, то необходимо должны стать на почву телеологическаго разсмотрѣнія. Не нужно смѣшивать эти двѣ области, не нужно навязывать наукѣ телеологію, когда она изслѣдуетъ механизъмъ жизненныхъ явленій, но пусть и механистическій способъ разсмотрѣнія не претендуетъ на право рѣшать всѣ безъ исключенія вопросы о жизни и органической цѣлесообразности. Обѣ точки зрѣнія возможны совместно, каждая въ своей области. Такъ, напр., *Вундтъ* обращаетъ вниманіе на то, что у низшихъ животныхъ мы можемъ разсматривать движенія съ психологической точки зрѣнія, какъ акты влеченія (*Triebhandlungen*), которые могутъ считаться исходнымъ пунктомъ для развитія воли; фізіологически же мы легко поймемъ эти движенія какъ химическіе, термическіе и др. тропизмы. Подымаясь выше по ступенямъ совершенства организаціи, мы замѣчаемъ, что психическій факторъ играетъ большую роль, и движенія уже труднѣе объяснять чисто фізіологически, хотя бы тѣми же тропизмами. У высшихъ животныхъ эти лишь психологически мотивируемыя дѣйствія оказываютъ все болѣе сильныя воздѣйствія на организацію, и эти необходимые психические промежуточные члены становятся исходными пунктами для измѣненій, дающихъ перевѣсъ наиболѣе приспособленнымъ индивидуумамъ ¹⁾. *Вундтъ* считаетъ законной такую двойственность точекъ зрѣнія, когда движенія простѣйшихъ организмовъ мы разсматриваемъ и какъ тропизмы (*фізіологическая точка зрѣнія*), и какъ акты влеченія (*психологическая точка зрѣнія*) ²⁾. Къ аналогичнымъ же воззрѣніямъ склоняется и *Гартманъ*, для котораго всякій организмъ включенъ въ цѣпь и всеобщей причинности, и всеобщей телеологической связи—мірового „*Finalkausalität*“.

¹⁾ *Wundt. Logik. Bd. II. стр. 586.*

²⁾ *Ibid. стр. 60—6—7.*

Изъ приведеннаго выше разсмотрѣнія роли воли въ телеологическомъ актѣ видно, что безъ нея, какъ активнаго элемента, заключающаго въ себѣ имманентно и самую цѣль, телеологическій актъ немислимъ; и не „принципъ сужденія“, а *волю* нужно было бы выдвигать на первое мѣсто для обозначенія сущности психическаго фактора. Однако, признавая односторонность психовитализма неоламаркистовъ, мы должны быть очень осторожны и съ допущеніемъ примата воли. Что такое воля, и что такое—волевой актъ? Воля, прежде всего, *направленіе* сознанія, процессъ теченія сознанія, который разбивается нами на моменты, обозначаемые нами какъ ощущенія, представленія, чувствованія и т. д.; это и есть содержаніе волевого процесса. Есть много ступеней развитія воли, начиная съ неяснаго стремленія и кончая сознательнымъ выборомъ, но нигдѣ нѣтъ „чистой воли“, которая была бы совершенно свободна отъ ощущенія или чувства; уже въ первоначальномъ влеченіи ощущеніе, чувство и стремленіе слиты въ единство; поэтому, воля сама по себѣ есть лишенный содержанія процессъ, устремленіе, и въ таковомъ видѣ она существуетъ лишь въ абстракціи. Слабая сторона всякаго волюнтаризма состоитъ въ томъ, что трудно приписать основную роль *слѣпой*, лишенной разумности волѣ ¹⁾; слабая сторона интеллектуализма заключается какъ разъ въ обратномъ, именно, что его зрячій „принципъ сужденія“ мертвъ, неподвиженъ и неспособенъ что-либо произвести въ дѣйствительности. Намъ кажется, что единственный вѣрный путь заключается въ постоянномъ напоминаніи, что „принципъ сужденія“, воля и т. д. суть лишь наши абстракціи, извлеченныя изъ живого и единаго психическаго организма; мы оперируемъ съ ними, часто совершенно обособляя ихъ другъ отъ друга, олицетворяемъ эти свойства или способности, отвлекаясь отъ ихъ реальной связи и содержанія, и въ результатъ часто впадаемъ въ грубыя ошибки. Психическій факторъ не можетъ быть „принципомъ сужденія“, какъ это думаютъ неоламаркисты, но онъ также не есть и воля, какъ это утверждаютъ волюнтаристы; онъ можетъ быть только *живымъ комплексомъ* психическихъ способностей, и этотъ

¹⁾ R. Eisler. *Das Wirken der Seele*. Zeitschrift für den Ausbau... Bd. II, стр. 213—4.

комплексъ существуетъ не только на низшихъ ступеняхъ развитія, какъ думаютъ неоламаркисты, но *рѣшительно на всѣхъ, безъ исключенія*. Въ этомъ комплексѣ отдѣльныя стороны его или способности могутъ проявляться на разныхъ ступеняхъ развитія съ различной силой, на однихъ слабѣе, на другихъ сильнѣе; но думать, что одна оторванная „способность сужденія“ или одна воля могутъ быть реальными факторами органической эволюціи, невозможно. Соглашаясь съ волюнтаристами, мы можемъ признать, что на низшихъ ступеняхъ развитія наиболѣе характернымъ и значительнымъ проявленіемъ психическаго фактора является его волевая сторона, но еще не сознающая своихъ цѣлей и не управляемая разумомъ; однако лишить ее совершенно элемента разумности мы не можемъ, необходимо допустить его хотя бы въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Съ постепеннымъ развитіемъ психики усиливается эта роль „принципа сужденія“ и онъ уже рѣшительно влияетъ на направленіе воли, чтобы на высшихъ ступеняхъ развитія почти подчинить ее своему контролю и господству. Такимъ образомъ, мы не считаемъ возможнымъ видѣть въ психическомъ факторѣ одну „способность сужденія“ или одну волю; и то, и другое суть элементы этого фактора, неразрывно связанные между собой въ реальности. Ни на какой ступени развитія мы не можемъ признать возможность абсолютно слѣпой воли, а также совершенно лишеннаго воли разума; эти психическія способности мыслимы въ отдѣльности лишь благодаря процессу абстракціи.

Намъ остается теперь только коснуться конечнаго вывода изъ всей телеологіи неоламаркистовъ—отрицанія „плана“ и преднамѣренности эволюціи въ природѣ, а также всякаго „мірового разума“ и т. д. Всякія теоріи преднамѣренной эволюціи смотреть, въ концѣ концовъ, на міръ съ той же точки зрѣнія, что и механисты; здѣсь крайности сходятся. Для сторонниковъ теоріи „плана“ міръ есть нѣкоторый комплексъ матеріальныхъ силъ, не имѣющихъ, въ сущности, самостоятельнаго значенія; вся жизнь и смыслъ вкладываются извнѣ, въ видѣ цѣлей высшаго Разума, съ которыми такъ любила оперировать старая телеологія, и опредѣлять которыя теперь ученымъ кажется совсѣмъ неблагодарнымъ занятіемъ. Сама природа ровно ничего не творитъ, ничего не вноситъ

новаго; она дѣйствуетъ подобно машинѣ, у которой такъ же все впередъ разсчитано и опредѣлено, не только конечный эффектъ, но и пути осуществленія его. Нѣтъ творчества въ природѣ, нѣтъ самостоятельности. Съ этими выводами, кромѣ преднамѣренныхъ цѣлей, согласятся и механисты; только для нихъ въ природѣ ничего не осуществляется, а вся ея цѣлесообразность возникла изъ ничего, изъ игры тѣхъ же механическихъ силъ.

Не будемъ спорить съ неоламаркистами относительно превосходства автотелеологій надъ трансцендентальной телеологіей; ихъ позиція въ данномъ вопросѣ, безусловно, очень выгодна и имѣетъ въ свою пользу много данныхъ; но необходимо указать, что полное отрицаніе ими „мірового разума“ рискованно, и это отрицаніе можно весьма оспаривать. Мы уже указывали, что лишь одинъ Франсэ склоненъ признать нѣкоторое разумное космическое начало, въ родѣ *гоѳа* Анаксагора, другіе же его соратники не поддерживаютъ такихъ стремленій, утверждая, что имъ для объясненія органической цѣлесообразности нужны только „цѣлесообразно дѣйствующие (реагирующие) организмы“. Этотъ пунктъ не выдерживаетъ критики. Стоитъ только вспомнить вопросы о возникновеніи жизни, психики, сознанія, которыхъ мы не можемъ рѣшить, исходя изъ дѣятельности хотя бы самымъ цѣлесообразнымъ образомъ реагирующихъ организмовъ. Кромѣ того, если бы всѣ цѣлесообразныя образованія и приспособленія были лишь результатами психической дѣятельности самихъ отдѣльныхъ организмовъ, то міръ представлялъ бы собою хаотическое скопище самыхъ безпорядочныхъ образованій, нисколько не согласованныхъ другъ съ другомъ и не сплетенныхъ въ одну крѣпкую и величественную ткань. Есть много приспособленій, которыя подразумеваютъ цѣлую цѣль согласованныхъ измѣненій въ совершенно различныхъ областяхъ животнаго и растительнаго царства, такъ называемыя „координированныя приспособленія“, и ихъ возникновеніе, какъ мы уже говорили, трудно объяснимо съ точки зрѣнія неоламаркизма, требуя допущенія наличности въ мірѣ нѣкотораго внѣиндивидуальнаго, космическаго разума. Можно было бы привести много примѣровъ и соображеній, говорящихъ объ единствѣ природы на почвѣ проникающаго ее разума, но это вышло бы за предѣлы нашей задачи; но

можно указать, что этотъ разумъ мы не мыслимъ трансцендентнымъ, полагающимъ цѣли, которыя и осуществляла бы природа; этотъ разумъ развивающійся, творческій, иногда несовершенный, какъ бы затуманенный, но никогда не отдѣлимый отъ природы, растущій съ ней, проясняющійся, какъ просыпающаяся душа міра.

Пожалуй, можно спросить: къ какой же цѣли стремится самъ этотъ разумъ? На вопросъ, что есть цѣль жизни, неоламаркисты отвѣчаютъ вполне основательно: *жизнь!* эволюція не имѣетъ своей цѣлью выработку извѣстной высоты организаціи въ біологическомъ смыслѣ, такъ какъ многочисленные случаи огромнаго регресса при паразитизмѣ и подобныхъ условіяхъ показываютъ, что въ этихъ приспособленіяхъ явно телеологическаго характера не можетъ быть усмотрѣна никакая иная цѣль, кромѣ сохраненія самой жизни, *жизни, во что бы то ни стало.* Итакъ, мы отказываемся отъ обсужденія цѣлей жизни и мірового процесса; однако, мы можемъ подмѣтить нѣкоторое опредѣленное его *направленіе*, именно—въ сторону увеличивающагося развитія разума, духовнаго начала; *ходъ эволюціи есть пробужденіе духа въ міръ.*

Оглядываясь назадъ, мы съ изумленіемъ замѣчаемъ, какъ натурфилософская мысль, покинувъ старую телеологию Шеллинга и его школы, съ увлеченіемъ кинулась въ антителеологию второй половины XIX вѣка, впадая часто въ самый вульгарный матеріализмъ, чтобы постепенно опять вернуться къ телеологіи и витализму, правда, значительно модернизированнымъ. Получается какъ бы кругъ, и неоламаркисты заставляютъ насъ вспомнить Шеллинга: и тамъ, и здѣсь міровой процессъ заключается въ пробужденіи духа въ природѣ, лишь Шеллингъ всю эволюцію созерцалъ идеально, а неоламаркисты трактуютъ этотъ вопросъ на почвѣ фактовъ и біологическаго эксперимента. Шеллингъ болѣе руководился поэтическимъ вдохновеніемъ, оперировалъ съ образами, понятіями и аналогіями ихъ; неоламаркисты оперируютъ съ реальными организмами, видами, измѣнчивостью признаковъ, но также и съ нѣкоторыми данными психологіи и теоріи познанія. Для Шеллинга, равно какъ и для Лейбница, развитіе есть только нѣкоторое „идеальное соотношеніе“; о реальномъ развитіи формъ, метаморфозѣ организмовъ, у

него нѣтъ и рѣчи. Онъ самъ говоритъ: „утвержденіе, что различныя организациі дѣйствительно возникли другъ изъ друга путемъ постепеннаго развитія, есть результатъ неправильнаго пониманія идеи, дѣйствительно заключающейся въ разумѣ. Эта идея такова: всѣ частныя организациі вмѣстѣ должны составлять лишь *одинъ* продуктъ, что мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если природа, создавая ихъ, какъ бы имѣла передъ глазами одинъ и тотъ же прообразъ“ ¹⁾. Шеллингъ даже и не пытался утверждать реальность эволюціи, но его идеальная схема во многомъ совпадаетъ съ реальной схемой, даваемой неоламаркистами: и у нихъ есть тенденція разсматривать неорганическую природу, какъ „предтечу“ органической, а психическій факторъ развитія, слабый и не дифференцированный у низшихъ существъ, развивается и усиливается съ возрастаніемъ совершенства организациі, достигая большой силы и ясности на высшихъ ступеняхъ, достигая самосознанія.

Весь ходъ органической эволюціи и обусловливается ростомъ этого психическаго фактора, такъ что развитіе міра есть *развитіе духа*. Мнѣ кажется, что параллель съ идеями Шеллинга здѣсь весьма ясна: однако, неоламаркисты нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ, да и едва ли здѣсь можетъ быть рѣчь о какой бы то ни было исторической преемственности. Мы склонны разсматривать этотъ фактъ скорѣе какъ своего рода *конвергенцію идей*, весьма поучительную въ томъ смыслѣ,

¹⁾ *Куно Фишеръ*. Ист. нов. философій, т. VII, Шеллингъ. Перев. Лоскаго, 1905 г., стр. 418. Любопытно, что и *Гегель* отрицалъ реальность трансформациі организмовъ: „На природу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на систему ступеней,—говоритъ онъ въ „Энциклопедіи“,—изъ которыхъ одна необходимо вытекаетъ изъ другой и составляетъ ближайшую истину той, изъ которой слѣдуетъ; однако, это происходитъ во внутренней идеѣ, составляющей основу природы, а не такъ, чтобы одна ступень *естественно* порождала другую. Метаморфоза совершается только въ понятіи, какъ таковомъ, такъ какъ только измѣненіе его есть развитіе“... „Мыслящее изслѣдованіе должно отказаться отъ такихъ туманныхъ и въ основѣ чувственныхъ представленій, каково въ особенности ученіе о такъ называемомъ „происхожденіи“, напр. растений и животныхъ изъ воды, или болѣе развитыхъ животныхъ организмовъ изъ низшихъ организмовъ“. (*Куно Фишеръ*. Ibid., Гегель, полут. I, стр. 596). Отсюда видно, что ни Шеллингъ, ни Гегель не могутъ считаться историческими предтечами Дарвина.

что она даетъ основаніе съ большимъ вниманіемъ отнестись къ основной идеѣ Шеллинга и неоламаркистовъ, разѣ къ ней пришли въ разное время и путемъ умозрѣнія, и путемъ критическаго разсмотрѣнія біологическихъ данныхъ.

Павелъ Кантеревъ.
